Глава 4. Биографическое прошлое как за-текст ученого-гуманитария¹

DOI 10.15826/B978-5-7996-3277-9.21

За-текст – в смысле всего того, что остается за пределами явно-го, оформленного и умышленно выстроенного, т. е. текста, – обязательно есть в жизни каждого человека, особенно человека литературного, эти самые тексты профессионально продуцирующего. Как вещь и ее тень, которая может быть короче или длиннее, ярче или бледнее, но всякий раз неизбежна. Как видимое и невидимое, как строка и подстрочник, как сказанное и несказанное. Чаще всего это «несказанное», коль скоро речь идет о литературе, мы пытаемся найти в творчестве писателей, чье «сказанное», в общем-то, хорошо изучено. Однако точно также за-текстовая реальность дает о себе знать и в научном творчестве ученых-гуманитариев, среди которых можно найти немало «людей с биографией», научная мысль которых брала начало или вдохновлялась накалом конкретных жизненных событий, была с этими событиями неразрывно связана, им сопутствовала. Случайно уцелевший на Соловках Д. С. Лихачев, участвовавший в Первой мировой и Гражданской войне В. Б. Шкловский, сосланный в Казахстан, а потом упрятанный в Саранске М. М. Бахтин, прошедший пять лет Великой Отечественной войны Ю. М. Лотман, выжившая во время блокады Ленинграда Л. Я. Гинзбург. Перечисленные примеры, конечно, хорошо известны. В этом же ряду и в этом же «русском» контексте можно вспомнить западных ученых-славистов, для многих из которых приобщение к русской культуре было каким-то личным «приключением», своим собственным личным за-текстом: Ренэ Герра, например, выучил русский язык благодаря поэтессе русского зарубежья Екатерине Таубер и был введен в круг русской парижской эмиграции самим Борисом Зайцевым; Ласло Динешу

¹ Глава написана при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-512-23003 «Самосознание и диалог поколений в русской и венгерской литературной практике XX–XXI веков».

посчастливилось рано прочесть Газданова и первому пройти буквально по следам писателя; Жорж Нива, влюбившись в дочь Ольги Ивинской, стал одним из действующих лиц «дела Пастернака»²; Мишеля Окутюрье увлек русской поэзией его парижский профессор, бывший акмеист и друг Гумилева Николай Оцуп; Никита Алексеевич Струве, по-видимому, благодаря своей принадлежности к ордену русской интеллигенции, всю жизнь был проникнут идеей служения русской культуре. Этот ряд, разумеется, можно продолжать и продолжать.

Примером подобного житнетворчества, когда все написанное ученым может быть прочитано в «единстве жизненных событий»³ его человеческой судьбы, стал феномен Елены Менегальдо – русской француженки и французского слависта. Об этом и пойдет речь далее.

Имя Елены Менегальдо хорошо знакомо русским читателям, особенно тем, кому интересна литература русского зарубежья, созданная эмигрантами послереволюционного периода. Елене Менегальдо, в частности, мы обязаны появлением трехтомного собрания сочинений Бориса Поплавского⁴, самого значительного, самого полного на сегодняшний день в России. Этому удивительному поэту была посвящена научная монография Е. Менегальдо «Поэтическая вселенная Бориса Поплавского»⁵, а также целый ряд ее научных статей. В 2001 г. на русском языке вышла книга Е. Менегальдо «Русские в Париже. 1919–1939»⁶ («Les Russes

² Об удивительной биографии Ж. Нива можно прочитать в книге А. Архангельского. См.: *Архангельский А. Н.* Русофил. История жизни Жоржа Нива, рассказанная им самим. М., 2020.

³ Словосочетание взято из фразы Б. Пастернака в его «Охранной грамоте»: «Наши невиннейшие “здравствуйте” и “прощайте” не имели бы никакого смысла, если бы время не было пронизано единством жизненных событий, то есть перекрестными действиями бытового гипноза». См.: *Пастернак Б. Л.* Избранное. М., 1998. С. 69.

⁴ Работа над собранием сочинений Б. Поплавского была начата совместно с А. Н. Богословским, при участии которого были подготовлены второй и третий тома. Совместно с А. Н. Богословским было подготовлено и еще одно издание сочинений Поплавского: *Неизданное: Дневники, статьи, стихи, письма.* М., 1996.

⁵ *Менегальдо Е.* Поэтическая Вселенная Бориса Поплавского. СПб., 2007.

⁶ *Менегальдо Е.* Русские в Париже. 1919–1939 / пер. с фр.: Н. Попова, И. Попов. М., 2001; 2-е изд. М., 2007.

a Paris”, Paris, 1998), ставшая своего рода бестселлером в кругах франкофилов и поклонников русского зарубежья. В ней жизнь русских эмигрантов во французской столице 1920–1930 гг. представлена не просто широко и многоаспектно, с большим количеством фактов, цифр, ссылок и разнообразных цитат, но и увлекательно, почти беллетристично, так, чтобы понял любой читатель, в том числе и не слишком подготовленный.

Уже из этой книги стало ясно, что автор, настоящий академический ученый, совсем не желает быть отвлеченным и сухим статистом, но откровенно демонстрирует свою причастность, так сказать, объекту исследования – миру русских эмигрантов в Париже 1920–1930 гг. Почти в каждой главе (где-то больше, где-то меньше) ощущается эта особая авторская позиция – не совсем извне и не совсем изнутри: исследователь не была, конечно, свидетелем русско-эмигрантской жизни Парижа межвоенного периода, но стала благодаря семье ее, этой жизни, полноправной наследницей, проводником человеческой памяти о ней. Кроме того, на основе личного жизненного и интеллектуально-духовного опыта Е. Менегальдо реализовала в своей книге еще один трудно достижимый синтез, аккумулировав в единый поток наблюдений, рассуждений и выводов сразу несколько различных позиций – позицию русских и позицию французов, точку зрения самих эмигрантов и точку зрения позднейших исследователей их творчества, жизни и быта. По-видимому, именно эта способность автора видеть свой предмет сразу в нескольких измерениях, ощущать свое с ним единство и сделала книгу очаровательной. Жизнь русской эмиграции во Франции обнаруживает здесь свои давние исторические корни в виде многолетних русско-французских связей, проявляет себя в культуре, искусстве, обиходе повседневности, наконец, становится осязаемой в реальной жизни семьи Пашутинских – Леонтия, Дианы, их детей и близких.

Но в 2017 г. в парижском издательстве Vendémiaire выходит новая книга профессора Университета Пуатье Елены Менегальдо “Diana Nikiforoff. De La Russie en révolution à la Cité interdite” («Диана Никифорова. Из революционной России к запретному городу»⁷), в которой автор меняет свой имидж на имидж

⁷ Название книги Е. Менегальдо “Diana Nikiforoff. De La Russie en révolution à la Cité interdite”, как и все цитаты из нее, переведены А. В. Грасько.

писателя-беллетриста, и эта книга оказывается подлинным за-текстом всего им написанного в качестве исследователя. После выхода книги стало окончательно ясно, что и подвижнически изданный и осмысленный Поплавский, и «лирическая энциклопедия» русско-французских отношений «Русские в Париже» были далеко не случайны. Все это – звенья одной цепи и закономерное следствие, с одной стороны, профессионального исследовательского интереса Е. Менегальдо к русской жизни во Франции, ее проявлениям

и достижениям, а с другой – желания исполнить личный «долг памяти»⁸, «спасти память о прошлом»⁹, причем «спасти память о прошлом» не только эмигрантской культуры, но и своей семьи, к этой культуре напрямую принадлежавшей. И сделать это автор хочет так, чтобы ее слово о прошлом стало услышано, понятно и доступно многим.

Так появилась книга о матери, написанная по всем законам художественного построения, где Диана Никифорова, мать славы Е. Менегальдо, повествует о себе сама. Художественная форма в данном случае говорит о многом. Прежде всего, конечно, об адресате – аудитории самой разной, самой широкой, к тому же – франкоязычной. Также она свидетельствует о желании автора высвободить прошлое, а с ним и жизнь матери из тенет забвения, ведь только вырвавшись из границ академического дискурса, прошлое способно по-настоящему воскреснуть.

В своей знаменитой книге «О психологической прозе», в значительной мере посвященной именно такой документальной и автодокументальной литературе, Л. Я. Гинзбург писала:

⁸ Менегальдо Е. Русские в Париже. С. 57.

⁹ Там же.

«Искусство – всегда организация, борьба с хаосом и небытием, с бесследным протеканием жизни»¹⁰. По-видимому, такая вот борьба с хаосом, борьба с небытием и бесследным протеканием жизни посредством художественной формы безусловно важна и для Е. Менегальдо. О взаимообращении искусства и жизни гласит и эпиграф, взятый ею из романа А. Жида «Подземелья Ватикана»: «Есть роман и есть история. Мудрые критики считали роман историей, которая могла иметь место, историю – романом, который мог бы существовать»¹¹. Можно сказать, что подобный роман – роман, «который имел место», пишет от лица Дианы Никифоровой ее дочь, Елена Менегальдо. Пишет художественно и в то же время аналитично, совмещая установку на подлинность и установку на занимательность.

Основное содержание книги – поток сознания, или рассказ Дианы о своей жизни, начиная с первых, связанных с Россией воспоминаний и заканчивая смертью матери, которая произошла в Амстердаме в 1954 г. Три части этого повествования озаглавлены строго топонимически – по названию тех городов, с которыми последовательно была сопряжена судьба героини: «Николаев. 1917–1924», «Пекин. 1924–1929», «Париж. 1929–1939». Три этапа личной жизни, человеческого становления, но и три этапа истории, три этапа причащения к общей судьбе. Каждая часть делится на отдельные небольшие главы – очень конкретные, заголовки которых полностью отражают ключевые эпизоды детства, юности, молодости Дианы.

Родилась Диана Никифорова в Киеве в 1914 г., однако ее мать, ставшая во время Первой мировой войны сестрой милосердия, оставила ее в Николаеве, своем родном городе, на руках у бабушки, где, собственно, и прошло детство рассказчицы, всецело связанное с трагическими событиями Гражданской войны. Что запомнилось маленькой девочке в Николаеве пореволюционной эпохи? Конечно, семья: бабушка, сестра матери тетя Ксения, старший брат Сережа. Все это персонажи теплые, любящие, позволившие выжить. Запомнились весьма специфические в эпо-

¹⁰ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М., 1999. С. 11–12.

¹¹ Menegaldo H. Diana Nikiforoff. De La Russie en revolution à la Cité interdite. Paris, 2017. P. 9. В дальнейшем все цитаты из книги Е. Менегальдо будут приводиться по этому изданию с указанием в круглых скобках номера страницы.

ху Гражданской войны «детские развлечения»: «Во время гражданской войны нашим любимым детским спектаклем был приход разных армий и банд: именно по нашей Херсонской улице они входили в город, чтобы спустя несколько дней, а иногда и несколько часов, оставить его» (с. 44). В главе «Игры детей» (*“Jeux d'enfants”*) Диана, погружаясь в раннее детство, вспоминает: «Будучи совсем маленькой, я видела ужасные вещи: людей, сожженных заживо, освежеванных, замурованных живыми, повешенных за ноги, головой вниз, обваренных в котле. Лю-

дей, которым выкалывали глаза, отрезали нос и язык, снимали всю кожу, как перчатку» (с. 49). Здесь же рассказчица говорит о каждодневном поиске еды во время голода, который привел ее однажды на рыночную площадь, где крестьяне, большую частью женщины и дети, «лежали мертвые и умирающие, одни на других» (с. 49). Диана описывает и поход вместе с братом Сережей к батьке Махно ради спасения мужа тети Ксении, незадачливого офицера, способного «менять свою идентичность и кожу легче, чем змея» (с. 63). Она вспоминает вид расстрелянных «белыми» гражданских людей, которых сначала выпустили из тюрьмы, а потом убили прямо на площади; эпидемии холеры и тифа, жизнь в деревне. После смерти тети Ксении и бабушки для детей начинается практически полное сиротство – пребывание в доме родственников погибшего на войне отца, где никто их не ждал и никто не был им рад.

Но за всем этим – глубоко личным и домашним – проступают в преломлении детской памяти моменты исторические: восстание в Николаеве, которое поначалу воспринималось детьми как игра, до тех пор пока город не был бомбардирован и разрушен; приход генерала Слащева, жестокого, но все-таки не лишнего (как

и в пьесе Булгакова «Бег») человеческого сердца. Причем, несмотря на обилие страшных сцен, заполняющих повседневность городской и семейной жизни, память Дианы сохранила много теплого, интересного и смешного, связанного с самыми близкими людьми, с бытом Николаева или даже с той же самой военной реальностью. Запомнилась самоотверженность Ксении, сумевшей прокормить во время голода семью, теплота любви бабушки, за которой маленькая Диана неотступно следовала, получив прозвище «бабушкин хвостик», привязанность к Сереже, сохранившаяся на протяжении всей жизни. Запомнились русские обычаи и традиции, соблюдаемые николаевцами, запомнились улицы города, море и корабли, пробудившие в девочке страсть к путешествиям. Уехав так далеко и пережив так много в своей жизни, героиня признается, что «сохранила ностальгию по Николаеву» (с. 40), этому «веселому», красивому и «космополитичному» русскому городу.

Новый этап жизни Дианы открылся счастливой случайностью – соседи передали девочке письмо из Харбина, и оно было от матери: так началось для нее обретение еще неведомого будущего. Диана в свои десять лет проехала одна всю Россию и почти половину евразийского материка: побывала в Москве, остановилась для получения визы в Чите, оказалась, наконец, в Харбине, а потом и в Пекине, где к тому времени обосновалась ее мать, Мария Терещенко, превратившаяся в Марию де Грод, жену управляющего Гранд-Отелем, голландца Николя де Грода. Наступил период отрочества, в котором главными стали отношения с матерью и отчимом, учеба в школе, изучение языков, чтение книг. Как и любое отрочество, отрочество героини происходило в сложных переживаниях и мучительных терзаниях. Однако связаны эти переживания были не только с проблемами внутреннего взросления, но, прежде всего, с проблемами освоения в совершенно чуждой среде: быт Гранд-Отеля, китайский и европейский мир Пекина, чужой язык, русское окружение матери, ее представления о России как о России дореволюционного времени, а главное – ее представления о воспитании как о дрессуре. Все это заставляло Диану с необыкновенной силой чувствовать свое одиночество: «Я была пленницей в сердце этого города, обнесенного огромными стенами, в незнакомой стране, и была более одинока, чем когда-либо в России» (с. 107).

И все-таки точно так же, как в воспоминаниях о Николаеве, на фоне, казалось бы, крошечных ужасов Гражданской войны сознание Дианы фиксирует и с огромной теплотой сохраняет моменты счастья, добра, моменты интересного и смешного, и в пекинской жизни, помимо теневых ее сторон, героиня отмечает много позитивного и чрезвычайно важного для нее. С удовольствием вспоминает поездки с матерью на Рождество и Пасху в Бейгуан, место сбора всех русских, где была русская церковь и где поддерживались русские православные традиции; учебу в школе и школьных товарищей, неизменно подписывавших ей самое большое количество поздравлений к праздникам; поездку с матерью на море; первую любовь к молодому итальянцу; работу у американского врача. Да и сами отношения с матерью, сердцевинные для этого периода жизни Дианы, постепенно меняются: не только мать воспитывает и меняет Диану, но и Диана со своим ранним жизненным опытом помогает матери «вырасти», стать более самостоятельной и независимой.

Заканчивается пекинский период жизни героини новым путешествием – ее отъездом в Европу, который, кстати сказать, тоже несет в себе черты драматизма и комизма одновременно: с тонущего судна юная Диана умудряется эвакуироваться со всем своим весьма увесистым багажом, расстаться с которым она, пройдя все испытания войны, голода и холода, не желала даже перед лицом надвигающейся смертельной опасности. Пожалуй, это один из самых забавных эпизодов книги, когда пятнадцатилетняя Диана отвечает матросам гибнущего судна, что готова скорее умереть, чем расстаться со своими чемоданами, и они действительно эвакуируют девушку со всем «китайским» скарбом, много лет спустя эти особенные китайские вещи матери поразят ее дочь Елену.

Наконец 27 июля 1929 г. Диана прибыла в Марсель, и с этого момента началась ее французская жизнь и ее юность, связанная с любовью, узнаванием собственных границ, переоценкой ценностей, освоением большого мира. Для Дианы это, прежде всего, жизнь русских эмигрантов, среди которых оказались ее родной дядя Петр Самарский и оба ее возлюбленных – первый, Вениамин Кондратов, навсегда исчезнувший ради исполнения граж-

данского долга, чей образ так и остался в памяти Дианы овеянной романтической героикой, и второй, Леонтий, с которым Диана в 1935 г. обвенчается и проживет всю свою жизнь.

Особой темой воспоминаний Дианы стал быт Парижа, который она восприняла сначала внешне, большею частью негативно, а потом все более и более начала вживаться и вглядываться в него. В главе «Свобода, равенство и удостоверение личности» (*“Liberté, égalité, carte d'identité”*) Диана признается, что, переехав в Париж из Клиши, почувствовала наконец «особенный шарм Парижа, который сначала сочла мрачным и грязным»: «Это был город, где не было трупов на улице по среде бела дня, где не проводили ночи в ожидании новой незнакомой армии, где головы несчастных не сушились на солнце как переспелые фрукты – город, где можно было дышать, фланировать, без страха проводить часы на террасах кафе, город, где в то время больше жили вовне, чем внутри, не обращая внимания на погоду» (с. 162).

Однако повествование Дианы вовсе не ограничивается рассказом о собственной жизни. Во всех трех частях книги есть фрагменты и даже главы, посвященные судьбам и характерам тех людей, с которыми Диана была тесно связана: бабушка, тетя Ксения, брат Сережа, дядя Пьер, Вениамин Кондратов, Леонтий Пашутинский, и, конечно, главное место среди других персонажей занимает образ матери. О ее судьбе, ее характере, взаимоотношениях с ней Диана будет размышлять на протяжении всей жизни.

В самом начале своих воспоминаний Диана, говоря о своем младенчестве и о матери, оставившей их с братом на произвол судьбы, бросает ей горький упрек: «Я думаю, что я никогда не простила этот поступок матери, эту пустоту, которая осталась во мне на всю жизнь. <...> Может быть, да, когда я ее увидела после освобождения из японского лагеря» (с. 40). Взрослея, Диана понимает, что мать была человеком другого внутреннего устройства: «Моя мать жила сегодняшним днем, прошлое не существовало для нее и не терроризировало, как меня, до полного изнеможения. И в этом была ее сила» (с. 40). И все-таки, несмотря на эти сложные чувства, последний фрагмент в воспоминаниях Дианы посвящен матери: Диана констатирует, когда и как умерла мать, и обрывает свой поток памяти короткой и трагической фразой, сообщая, что после ее смерти «снова и на этот раз

окончательно стала сиротой» (с. 183). Собственно, с этого повествование началось, к этому и вернулось. Ощущение сиротства, одиночества, трагический груз прошлого никогда не покидали Диану, прожившую долгую жизнь, но так и не сумевшую все это изжить, преодолеть и забыть.

И точно таким же кольцом обрамляют воспоминания Дианы размышления ее дочери, Елены Менегальдо, которая сначала в «Преамбуле», а потом в «Эпилоге» с характерным названием «Жизнь фантомов» (*“La vie des fantômes”*) пытается «объяснить» свою мать, соединив ее прошлое и тот ее облик, который она, как дочь, хорошо знала. Но здесь начинается уже память дочери, тоже, оказывается, пронизанная образами материнского детства. Елена признается, что мать, страдавшая воспоминаниями, старалась передать их ей, дочери, которая постепенно начала их присваивать. И за этими свидетельствами материнского прошлого, которые были даны изначально в деталях повседневного быта (вышитая детской рукой матери салфетка с изображением маленькой Дианы и ее брата Сережи, китайские вещи в доме, подарки от бабушки, присылавшей раз в месяц «продукты-люкс» – сливы и чай в гранулах), для дочери вставало само это прошлое как особая, почти ее собственная реальность, требующая размышления и ответа.

Это чрезвычайно интересный факт, не часто, но все же встречающийся и дающий свои результаты в сфере творчества. Если попробовать найти нечто родственное подобному феномену отраженной памяти, зафиксированному в литературных текстах, – аналогичным явлением, по-видимому, можно считать книгу С. Федорченко «Народ на войне», где писательница по памяти воспроизводит документальную правдивость солдатских рассказов сначала о Первой мировой, а потом и о Гражданской войне¹². В этот ряд можно поставить книгу Ю. Трифонова «Отблеск костра», где голос, память и чувство сына воскрешают отцовское прошлое, а также литературное творчество писателя И. Гергенредера, «присвоившего» рассказы отца о Гражданской войне

¹² См., например, об этом: Димеши Ж. Начало документальной прозы в России: творчество С. З. Федорченко // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2018. № 2 (175). С. 169–177.

настолько, что их реальность воплотилась в его литературных текстах как реальность первичная, им самим прочувствованная и пережитая. Так и в случае Елены Менегальдо – часть ее собственной жизни оказалась как бы под влиянием воспоминаний матери, которые, в свою очередь, потребовали выхода, какого-то своего адекватного выражения.

Чтобы это сделать – найти форму, синтезирующую обе жизни и оба повествовательных потока – героини и автора, матери и дочери, – Елена, о чем она, собственно, и признается в «Пreamбуле», постаралась придать слишком разрозненным и эмоциональным воспоминаниям Дианы некую структуру, включив в поток речи своей героини сведения сугубо исторические, дающие представление о течении времени и его объективном наполнении. Причем это соединение формата частной жизни и формата документально-исторического заявлено в книге не только на уровне содержания, но и в ее оформлении: каждая глава открывается географической картой с планом города или схемой передвижения героини (Николаев, Пекин, путь Дианы из Николаева до Пекина, из Пекина до Марселя); в каждой главе есть вкладка с фотографиями Дианы и тех людей, мест, эпизодов, которые упоминаются в тексте. После каждой главы следует короткая информативная хронологическая справка о революционных событиях в Николаеве, о русско-китайских отношениях с 1896 по 1949 г., о жизни русской эмиграции во Франции с 1901 по 1937 г.

Так в конце концов и сложилась книга, в которой мы слышим голос дочери и ощущаем эрудицию ученого, улавливаем неподдельное сочувствие, восхищение, но в то же время и желание понять, обобщить, реконструировать, систематизировать. Фактологичность и доказательность документа, широта исторического видения и лирическая нежность сопричастности автора, по сути дела, стали тремя главными составляющими этой книги. Кроме того, в ней – если вновь обратиться к самому началу главы – облеченный в художественную форму биографический за-текст ученого превращается на наших глазах в интереснейший текст о скрытом и даже экзистенциальном фундаменте всех его научных интересов, исследований и находок.